

**ЗАВДАННЯ З ДИСЦИПЛІНИ «ОРАТОРСЬКЕ МИСТЕЦТВО»
ДЛЯ СТУДЕНТІВ ФАКУЛЬТЕТУ АДВОКАТУРИ
НА ПЕРІОД КАРАНТИНУ**

Завдання на 16.03-20.03.2020

Кожний студент готує текст виступу на 3-5 хвилин (1,5 – 2 стор.), в якому міститься доведення та/або спростування необхідності введення режиму самоізоляції в Україні в умовах пандемії коронавірусу. Увага має бути зосереджена на правилах аргументації.

Тексти надсилати до 20.03.2020 р. на електронну пошту проф. Погрібної Вікторії Леонідівни vilpog2017@gmail.com

Завдання на 23.03-27.03.2020

Провести аналіз промови Мартіна Лютера Кінга «Є в мене мрія» (*варіант 1*), виступу Ф.М.Плевако по справі Г.І.Грузинського» (*варіант 2*) та оповіді А.П.Чехова «Випадок із судової практики» (*варіант 3*) з точки зору наявності помилок аргументації (логічних) та активізації аудиторії (психологічних). Розподіл варіантів – за алфавітом у списку. Обсяг письмового тексту відповіді – 1 стор.

Варіант 1. Мартин Лютер Кинг «Есть у меня мечта»

оригинал

I am happy to join with you today in what will go down in history as the greatest demonstration for freedom in the history of our nation.

Five score years ago, a great American, in whose symbolic shadow we stand today, signed the Emancipation Proclamation. This momentous decree came as a great beacon light of hope to millions of slaves, who had been seared in the flames of withering injustice. It came as a joyous daybreak to end the long night of their captivity.

перевод

Я рад сегодня вместе с вами стать участником события, что войдет в историю как величайшее шествие за свободу в истории нашей Родины.

Сотню лет тому назад рукой великого американца, монумент которому символично возвышается над нами в этот день, был подписан манифест об освобождении рабов. Для миллионов подневольных жертв испепеляющей несправедливости сей судьбоносный указ обещал стать долгожданным маяком надежды. Сей указ лучезарный обещал

But one hundred years later, the Negro still is not free. One hundred years later, the life of the Negro is still sadly crippled by the manacles of segregation and the chains of discrimination. One hundred years later, the Negro lives on a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity. One hundred years later, the Negro is still languished in the corners of American society and finds himself an exile in his own land. So we've come here today to dramatize a shameful condition.

In a sense we have come to our nation's capital to cash a check. When the architects of our republic wrote the magnificent words of the Constitution and the Declaration of Independence, they were signing a promissory note to which every American was to fall heir. This note was a promise that all men, yes, black men as well as white men, would be guaranteed to the unalienable rights of life liberty and the pursuit of happiness.

It is obvious today that America has defaulted on this promissory note insofar as her citizens of color are concerned. Instead of honoring this sacred obligation, America has given the Negro people a bad check, a check that has come back marked "insufficient funds." But we refuse to believe that the bank of justice is bankrupt. We refuse to believe that there are insufficient funds in the great vaults of opportunity of this nation. So we have come to cash this check, a check that will give us upon demand the riches of freedom and the security of justice. We have also come to this hallowed spot to remind America of the fierce urgency of Now. This is not time to engage in the luxury of cooling off or to take the tranquilizing drug of gradualism. Now is the time to make real the promises of democracy. Now is the time to rise from the dark and desolate valley of segregation to the sunlit path of racial justice. Now is the time to lift our nation from the quick sands of

положить конец крошечной тьме их мучительного плена.

Но сотню лет спустя Негр по-прежнему неволен. Сотню лет спустя жизнь Негра по-прежнему калечат безжалостные путы сегрегации и цепи дискриминации. Сотню лет спустя Негр по-прежнему обитает на одиноком острове нищеты посреди безбрежного океана материального благополучия. Сотню лет спустя Негр по-прежнему томится на обочине американского общества в шкуре изгоя в своей же стране. И вот мы здесь, дабы гласности предать это неслыханное безобразие.

В каком-то смысле, мы здесь, в столице нашей Родины, дабы обналичить чек. Слагая знаменательные слова Конституции и Декларации независимости, зодчие нашей республики подписали вексель, долгосрочное обязательство перед каждым американцем. Обязательством этим стало обещание всем без исключения – да, черным наравне с белыми, – гарантии неотъемлемых прав на жизнь, свободу и стремление к благополучию.

Америка, безусловно, не выполнила своего обязательства перед цветным населением. Отказавшись от своей святой обязанности, Америка выдала Негру чек необеспеченный, чек с пометкой «недостаток средств на счете». Мы же отказываемся верить в несостоятельность банка справедливости. Мы отказываемся верить в недостаток средств в хранилищах колоссальных возможностей этой страны. И вот мы здесь, дабы обналичить этот чек, чек, что распахнет для нас врата в сокровищницу свободы и крепость справедливости. И вот мы здесь, на этом священном месте, дабы напомнить Америке об остроте вопроса насущного. Не по карману нам роскошь успокоения и транквилизатор постепенной отмены рабства. Пробил час претворить в жизнь обещания демократии. Пробил час, поднявшись из мрака и холода казематов сегрегации,

racial injustice to the solid rock of brotherhood. Now is the time to make justice a reality for all of God's children.

It would be fatal for the nation to overlook the urgency of the moment and to underestimate the determination of its colored citizens. This sweltering summer of the colored people's legitimate discontent will not pass until there is an invigorating autumn of freedom and equality. Nineteen sixty-three is not an end but a beginning. Those who hope that the Negro needed to blow off steam and will now be content will have a rude awakening if the nation returns to business as usual. There will be neither rest nor tranquility in America until the Negro is granted his citizenship rights. The whirlwinds of revolt will continue to shake the foundations of our nation until the bright day of justice emerges.

But there is something that I must say to my people who stand on the warm threshold which leads into the palace of justice. In the process of gaining our rightful place, we must not be guilty of wrongful deeds. Let us not seek to satisfy our thirst for freedom by drinking from the cup of bitterness and hatred.

We must forever conduct our struggle on the high plane of dignity and discipline. We must not allow our creative protest to degenerate into physical violence. Again and again we must rise to the majestic heights of meeting physical force with soul force. And the marvelous new militancy which has engulfed the Negro community must not lead us to a distrust of all white people; for many of our white brothers, as evidenced by their presence here today, have come to realize that their destiny is tied up with our destiny, and they have come to realize that their freedom is inextricably bound to our freedom. We cannot walk alone.

выйти на солнечный путь расовой справедливости. Пробил час, вызволив нашу Родину из зыбучих песков расовых предрассудков, ступить на твердую почву братства. Пробил час сделать явью справедливость для всех чад Господа Бога нашего.

Пренебрежение вопросом насущным и недооценка решимости цветного населения смерти подобно для нашей Родины. Это знойное лето оправданного недовольства цветного населения не закончится, пока не наступит бодрящая осень свободы и равенства. Одна тысяча девятьсот шестьдесят третий год – не конца год, а начала. Если завтра страна выйдет на работу, как ни в чем не бывало, то тех, кто думает, что Негр, выпустив сегодня накопленный пар, наконец, расслабится, ждет горькое разочарование. Ни спокойствия, ни умиротворения не видать Америке, пока Негр не получит своих гражданских прав. Вихри восстаний и впредь будут сотрясать основополагающие принципы нашей Родины, пока яркое солнце свободы не покажется из-за горизонта.

Есть у меня и слово для людей моих, что стоят на теплом пороге, ведущем во дворец справедливости. Добиваясь своего законного места под солнцем, да не станем повинны мы в дурных поступках. Да не станем утолять мы жажду свободы глотками из чаши ненависти и злобы.

Да будем мы всегда вести борьбу нашу с небес достоинства и дисциплины. Да не позволим мы протесту созидательному нашему пасть до низин насилия. Да будем вновь и вновь мы подниматься на величавые высоты сопротивления силе физической силой духовной. Да не повергнет нас дух решительный, что исполнил народ негритянский, в недоверие ко всем белым братьям, ибо многие из них – и присутствие наших белых соотечественников сегодня здесь тому свидетельство – поняли, что их судьба тесно с нашей переплетена, поняли, что их свобода неразрывно с

And as we walk we must make the pledge that we shall always march ahead. We cannot turn back. There are those who are asking the devotees of civil rights: "When will you be satisfied?" We can never be satisfied as long as the Negro is the victim of the unspeakable horrors of police brutality. We can never be satisfied as long as our bodies, heavy with the fatigue of travel, cannot gain lodging in the motels of the highways and the hotels of the cities. We cannot be satisfied as long as the Negro's basic mobility is from a smaller ghetto to a larger one. We can never be satisfied as long as our children are stripped of their selfhood and robbed of their dignity by signs stating "for white only." We cannot be satisfied as long as the Negro in Mississippi cannot vote and the Negro in New York believes he has nothing for which to vote. No, no we are not satisfied and we will not be satisfied until justice rolls down like waters and righteousness like a mighty stream.

I am not unmindful that some of you have come here out of great trials and tribulations. Some of you have come from areas where your quest for freedom left you battered by storms of persecutions and staggered by the winds of police brutality. You have been the veterans of creative suffering. Continue to work with the faith that unearned suffering is redemptive.

Go back to Mississippi, go back to Alabama, go back to South Carolina go back to Georgia, go back to Louisiana, go back to the slums and ghettos of our northern cities, knowing that somehow this situation can and will be changed. Let us not wallow in the valley of despair.

I say to you today, my friends, so even though we face the difficulties of today and tomorrow. I still have a dream. It is a dream deeply rooted in the American dream.

нашей связана. Одним нам не под силу этот путь.

И на пути этом мы слово дать должны только вперед идти. Нет пути назад. Кто-то обращается к поборникам гражданских прав с вопросом: «Ну, когда же вы успокоитесь?» Не успокоиться нам, пока Негр не перестанет быть жертвой кошмара немыслимой жестокости служителей порядка. Нет, нам не успокоиться, пока телам нашим, дорогой тяжкой изнуренным, не перестанут в отдыхе отказывать в стенах гостиниц городских и придорожных. Не успокоиться нам, пока Негр не перестанет перебираться лишь из маленького гетто в гетто побольше. Нет, нам не успокоиться, пока детей наших не перестанут лишать индивидуальности и чувства собственного достоинства безжалостные надписи «Только для белых». Не успокоиться нам, пока Негр в Миссисипи не вправе голосовать, а Негру в Нью-Йорке не за кого голосовать. Нет, не спокойны мы, и нам не успокоиться, пока не забьет ключом источник справедливости и праведности.

Да, мне известно, что для кого-то из вас путь сюда лежал сквозь беды и невзгоды. Для кого-то из вас путь сюда лежал оттуда, где стремление к свободе страдает под градом гонений и от бурь жестокости блюстителей порядка. Вы – ветераны мук во имя созидания. Не оставляйте веры в воздаяние за незаслуженные муки.

Назад ступайте в Миссисипи, назад ступайте в Алабаму, назад ступайте в Южную Каролину, назад ступайте в Джорджию, назад ступайте в Луизиану, назад ступайте в трущобы и гетто северных городов нашей Родины, зная, что выход есть и все изменится. Да не будем лететь мы в бездну отчаянья.

Сегодня, друзья мои, несмотря на все проблемы настоящего и грядущего, я говорю вам: «Есть у меня по-прежнему мечта!» Мечта, что корнями глубокими восходит к американской мечте.

I have a dream that one day this nation will rise up and live out the true meaning of its creed. We hold these truths to be self-evident that all men are created equal.

I have a dream that one day on the red hills of Georgia the sons of former slaves and the sons of former slaveowners will be able to sit down together at the table of brotherhood.

I have a dream that one day even the state of Mississippi, a state sweltering with the heat of injustice, sweltering with the heat of oppression, will be transformed into an oasis of freedom and justice.

I have a dream that my four little children will one day live in a nation where they will not be judged by the color of their skin but by the content of their character.

I have a dream today.

have a dream that one day down in Alabama, with its vicious racists, with its governor having his lips dripping with the words of interposition and nullification; one day right down in Alabama little black boys and black girls will be able to join hands with little white boys and white girls as sisters and brothers.

I have a dream today.

I have a dream that one day every valley shall be engulfed, every hill shall be exalted and every mountain shall be made low, the rough places will be made plains and the crooked places will be made straight and the glory of the Lord shall be revealed and all flesh shall see it together.

This is our hope. This is the faith that I will go back to the South with. With this faith we will be able to hew out of the mountain of despair a stone of hope. With this faith we will be able to transform the jangling discords of our nation into a beautiful symphony of brotherhood. With this faith we will be able to work together, to pray together, to struggle together, to go to jail

Есть у меня мечта: однажды страна наша, осознав истинный смысл своей веры, станет его воплощением. Мы твердо уверены в том, что всеобщее равенство не требует никаких доказательств.

Есть у меня мечта: однажды на багровых холмах Джорджии потомки бывших рабов смогут разделить трапезу братства с потомками бывших рабовладельцев.

Есть у меня мечта: однажды даже штат Миссисипи, штат, изнывающий от палящей несправедливости, задыхающийся от знойного гнета, превратится в оазис свободы и справедливости.

Есть у меня мечта: однажды четверо моих детишек проснутся в стране, где о людях судят не по цвету кожи, а по моральным качествам.

Есть сегодня у меня мечта.

Есть у меня мечта: однажды там, в Алабаме, штате жестоких расистов, штате губернатора, что щедр на речи о невмешательстве в дела штата и непризнании силы законов конгресса; однажды там, в Алабаме, чернокожие мальчишки и девчонки возьмутся за руки с белыми мальчишками и девчонками, словно братья и сестры.

Есть сегодня у меня мечта.

Есть у меня мечта: однажды дол всякий наполнится, и холм всякий возвысится, и гора всякая понизится, пути неровные гладкими станут, пути кривые выпрямятся, и явится слава Господа Бога нашего, и узрит ее всякая плоть.

Это надежда наша. Это вера, с которой я вернусь на юг страны. С верою этой мы высечем из глыбы отчаянья камень надежды. С верою этой мы превратим брэнчанье разногласий Родины нашей в прекрасную симфонию братства. С верою этой мы сможем трудиться вместе, молиться вместе, бороться вместе, в неволе томиться вместе, стоять за

together, to stand up for freedom together, knowing that we will be free one day.

This will be the day... this will be the day when all of God's children will be able to sing with new meaning "My country 'tis of thee, sweet land of liberty, of thee I sing. Land where my father's died, land of the Pilgrim's pride, from every mountainside, let freedom ring!"

And if America is to be a great nation, this must become true. So let freedom ring from the prodigious hilltops of New Hampshire. Let freedom ring from the mighty mountains of New York. Let freedom ring from the heightening Alleghenies of Pennsylvania.

Let freedom ring from the snow-capped Rockies of Colorado.

Let freedom ring from the curvaceous slopes of California.

But not only that, let freedom, ring from Stone Mountain of Georgia.

Let freedom ring from Lookout Mountain of Tennessee.

Let freedom ring from every hill and molehill of Mississippi, from every mountainside.

Let freedom ring and when this happens... when we allow freedom ring, when we let it ring from every village and every hamlet, from every state and every city, we will be able to speed up that day when all of God's children, black men and white men, Jews and Gentiles, Protestants and Catholics, will be able to join hands and sing in the words of the old spiritual, "Free at last, free at last. Thank God Almighty, we are free at last."

свободу вместе, зная, что однажды мы будем свободны.

И настанет тот день... и настанет тот день, когда все чада Господа Бога нашего вложат новый смысл в слова: «Страна моя, родной свободы край, тебе пою я оду, Где мой отец вознесся в рай, праотцев гордый край, с высоких склонов гор да зазвонит свобода!»

И если Америке суждено стать великой державой, то только через воплощенье слов этих в реальность. Да зазвонит же свобода с вершин изумительных штата Нью-Гемпшир. Да зазвонит свобода с гор колоссальных штата Нью-Йорк. Да зазвонит свобода с элегантных Аллеганских гор, что в Пенсильвании.

Да зазвонит свобода с вершин заснеженных Скалистых гор, что в Колорадо.

Да зазвонит свобода с фигурных склонов Калифорнии.

И того более, да зазвонит свобода с Каменной горы, что в Джорджии.

Да зазвонит свобода с горы Лукаут, что в Теннесси.

Да зазвонит свобода со всех холмов и кочек Миссисипи, со всех склонов без исключения.

Да зазвонит свобода, и когда случится это... когда свободе мы звенеть позволим, когда звенеть позволим ей со всех сторон и сел, со всех городов и штатов, тогда приблизим мы тот день, когда все чада Господа Бога нашего, черные и белые, иудеи и неевреи, католики и протестанты, смогут, сомкнув руки, спеть слова из старого церковного гимна: «Мы свободны, наконец! Свободны, наконец! Благодарим тебя, отец, мы свободны, наконец!»

Вариант 2. Выступление Ф.Н. Плевако по делу Г.И. Грузинского

Князь Г.И. Грузинский пригласил к своим детям гувернера Э.Ф. Шмидта. Спустя время глава семьи заподозрил, что у немца имеется любовная связь с его женой, Ольгой Николаевной. Князь немедленно уволил соперника, на что княжна заявила, что

не намерена больше жить с ним, и потребовала отдать принадлежащее ей имущество. После того, как Ольга Николаевна поселилась в отведенной ей усадьбе, она забрала детей и пригласила к себе Э.Ф. Шмидта в качестве управляющего. Во время одной из встреч с детьми Г.И. Грузинский не выдержал присутствия бывшего губернатора и выстрелил в него из пистолета, убив насмерть.

Предварительным следствием действия князя Г.И. Грузинского были квалифицированы как умышленное убийство.

При рассмотрении дела Острогским окружным судом 29-30 сентября 1883 года адвокат подсудимого Ф.Н. Плевако начал свою речь издалека. Он описал момент знакомства князя, прямого внука последнего грузинского царя Григория, с будущей женой, продавщицей кондитерской лавки О.Н. Фроловой. Мать Г.И. Грузинского была против такого мезальянса, но после рождения второго ребенка князь уже вопреки родительской воли вступил в брак. А чтобы родные не говорили, что его супруга не имеет ничего своего, подарил жене 30 000 руб., а позже купил на общее имя имение, заплатив за него все, что у него было.

Далее Ф.Н. Плевако повествует о жизни семьи после появления в ней губернатора. Г.И. Грузинский заболевает тифом, и, будучи в состоянии болезни, слышит разговор немца с женой. Адвокат подсудимого так описывает ситуацию: "Раз он слышит – больные так чутки – в соседней комнате разговор Шмидта и жены: они, по-видимому, перекоряются; но их ссора так странна: точно свои бранятся, а не чужие, то опять речи мирные... неудобные... Князь встает, собирает силы... идет, когда никто его не ожидал, когда думали, что он прикован к кровати... И что же. Милые бранятся – только тешатся: Шмидт и княгиня вместе, нехорошо вместе... Князь упал в обморок и всю ночь пролежал на полу. Застигнутые разбежались, даже не догадавшись послать помощь больному. Убить врага, уничтожить его князь не мог, он был слаб... Он только принял в открытое сердце несчастье, чтобы никогда с ним не знать разлуки".

С этого момента жизнь князя и княгини уже не могла быть прежней. Ольга Николаевна переехала в квартиру Э.Ф. Шмидта в ожидании, когда кончится постройка приготавливаемого для нее домика. Ф.Н. Плевако обратил внимание присяжных на то, что чуя власть в руках, губернатор позволял себе оскорблять соперника, и новоиспеченные возлюбленные "на глазах всей дворни, всей слободы, всех соседей, на глазах детей, оставшихся у отца, они своим поведением не щадили ни чести князя, ни его терпения, ни его сердца".

Князь Мещерский выступил свидетелем по данному делу и показал, что в мае 1882 года княгиня уже жила в слободе, рядом с Э.Ф. Шмидтом, и последний держался как хозяин. По свидетельству старика управляющего, Карлсона, немец "ночью, не одетый ходил в спальню к княгине". Прокурор по делу настаивал, что Г.И. Грузинский не был честен с супругой до конца и имел роман с солдатской дочкой Феней. На это Ф.Н. Плевако отвечает, что нежные письма к Фене написаны князем в июле и августе 1882 года, тогда как расставание с женой произошло еще в 1881 году, весной, когда он узнал об измене. "Князь ограничился легкой связью, а не женитьбой. Благодаря гласному нарушению супружеской верности со стороны княгини, он мог бы развестись. Но жениться – значит привести в дом мачеху к семи детям. Уж коли родная мать оказалась плохой, меньше надежды на чужую. В тайнике души князя, может быть, живет мысль о прощении, когда пройдет страсть жены; может быть, живет вера в возможность возвращения детям их матери, хоть далеко, после, потом... Он невольный грешник, он не вправе для своего личного счастья, для ласки и тепла семейного очага играть судьбой детей. Так он думает и так ломает жизнь свою для тех, кого любит..." – рассуждает Ф.Н. Плевако.

Княгиня забирает двух дочерей, Лизу и Тамару, и увозит их с собой. Она сразу же заявляет супругу, что теперь ему необходимо присылать по 100 руб. на содержание

детей, на что тот отвечает, что их состояния равны, в то время как он содержит всех сыновей и дочерей и ему не к чему платить, когда дочери могут жить с ним.

Спустя некоторое время Г.И. Грузинский уезжает по делам в Питер, а вернувшись, узнает, что Ольга Николаевна отъехала, а детей оставила под присмотром Э.Ф. Шмидта. Это потрясло князя: "Как, он, отец, живет тут, рядом, у него все, что нужно детям, он – они знают – любит и хочет иметь детей у себя; он мог уступить их матери, а теперь мать, уезжая, оставляет их с чужим человеком, с разлучником". Г.И. Грузинский немедленно забрал дочерей у управляющего, а вот детское белье, хранившееся в доме княгини, не получил. Все вежливые просьбы и записки князя встретили отказ. Бывший гувернер согласился прислать пару детских рубашек и штанишек только за залог в 300 руб. "Прихлебатель, наемный любовник становится между отцом и детьми и смеет обзывать его человеком, способным истратить детское белье, заботится о детях и требует с отца 300 руб. залогом. Не только у отца, которому это сказано, – у постороннего, который про это слышит, встанут дыбом волосы!", – негодует Ф.Н. Плевако.

Так описывает дальнейшее развитие событий адвокат Г.И. Грузинского: "Утром в воскресенье князь проснулся и пошел будить детей, чтобы ехать с ними к обедне. Нина, беленькая, чистенькая, протянула к нему руки и приветливо улыбнулась. Потянулись и Тамара с Лизой; но, взглянув на их измятые, грязные рубашонки, князь побледнел, взволновался: они напомнили ему издевательство Шмидта, они дали детским глазкам иное выражение: отчего, папа, Нина опрятна, а мы – нет. Отчего ты не привезешь нам чистого. Разве ты боишься его. Сжалось сердце у отца. Отвернулся он от этих говорящих глазок и – чего не сделает отцовская любовь – вышел в сени, сел в приготовленный ему для поездки экипаж и поехал... поехал просить у своего соперника, снося позор и унижение, рубашонок для детей своих".

Свидетели произошедшего рассказали, что видели, как Э.Ф. Шмидт укреплял свое жилище: заряжал револьвер, переменял пистоны на ружье, взводил курки. Ф.Н. Плевако был убежден, что князя ждала засада: "Если Шмидт заряжал ружье из трусости и боязни за свою целостность, то вероятнее, что он не стал бы рисковать собой из-за пары детского белья, он бы выдал его. Если Шмидт не хотел этой встречи, но не хотел также выдавать и белье по личным своим соображениям, то он, не выдавая белья, ограничился бы ссылкой на волю княгини, на свое служебное положение, словом, на законные основания, а не оскорблял бы князя словами и запиской, возбуждая тем его на объяснение, на встречу. Если Шмидт охранял только свою персону от князя, а не задумал расправы, он бы рад был, чтобы встреча произошла при народе". Таким образом, все говорило о том, что новый управляющий нарочно заманил Г.И. Грузинского, чтобы заставить его первым применить насилие, а потом стрелять, опираясь на закон необходимости.

Отца в усадьбу не пускают. Мало того, бывший гувернер осыпает князя ругательствами: "Пусть подлец уходит! Не смей стучать, это мой дом! Убирайся, я стрелять буду".

Знал Э.Ф. Шмидт об этом или нет, но в обычае Г.И. Грузинского было носить с собой пистолет. Не выдержав нанесенных ему оскорблений, он разбивает стекло и стреляет в Э.Ф. Шмидта. Немец бежит к парадному крыльцу — князь видит это в окно, но разглядеть, вооружен он или нет, не представляется возможным. Князь бежит к тому же крыльцу, соперники встречаются, управляющий от боли припадает к земле, но сейчас же вскакивает и мчится в комнаты.

"В это-то едва уловимое мгновение, когда гнев, ужас, выстрел, кровь опьянили сознание князя, он в том скоропреходящем умоисступлении, которое в такие минуты естественно, еще не помня себя, под влиянием тех же ощущений, которые вызвали первый выстрел, конвульсивно нажимает револьвер и производит следующих два выстрела: положение трупа навзничь, и не ничком, ногами к выходу, головой к

гостиной, показывали, что Шмидт не бежал от князя, и он стрелял не в спасающегося врага. При этом припомните, что ружье и пистолет оказались не там, где лежали утром, то есть не в спальне княгини, а уже на столе в гостиной, – тогда будет не невероятно объяснение князя, что Шмидт выронил пистолет из рук, и уже после перенесения Шмидта в комнату, во избежание несчастного выстрела, ружье было освобождено от пистонов, а револьвер поднят с полу”, – описывает трагедию адвокат.

Так Ф.Н. Плевако представил участникам процесса всю картину произошедшего, а затем обратился к присяжным с такими словами: “О, как бы я был счастлив, если бы, измерив и сравнив своим собственным разумением силу его [Г.И. Грузинского. – *Ред.*] терпения и борьбу с собой, и силу гнета над ним возмущающих душу картин его семейного несчастья, вы признали, что ему нельзя вменить в вину взводимое обвинение, а защитник его – кругом виноват в недостаточном умении выполнить принятую на себя задачу...”.

30 сентября 1883 г. присяжные вынесли оправдательный вердикт в отношении князя Г.И. Грузинского, признав, что преступление было совершено им в состоянии умоисступления.

Вариант 3. А.П. Чехов «Случай из судебной практики»

Дело происходило в N...ском окружном суде, в одну из последних его сессий.

На скамье подсудимых заседал N...ский мещанин Сидор Шельмецов, малый лет тридцати, с цыганским подвижным лицом и плутоватыми глазками. Обвиняли его в краже со взломом, мошенничестве и проживательстве по чужому виду. Последнее беззаконие осложнялось еще присвоением не принадлежащих титулов. Обвинял товарищ прокурора. Имя сему товарищу — легион. Особенных примет и качеств, дающих популярность и солидный гонорарий, он за собой ведать не ведает: подобен себе подобным. Говорит в нос, буквы «к» не выговаривает, ежеминутно сморкается.

Защищал же знаменитейший и популярнейший адвокат. Этого адвоката знает весь свет. Чудные речи его цитируются, фамилия его произносится с благоговением...

В плохих романах, оканчивающихся полным оправданием героя и аплодисментами публики, он играет немалую роль. В этих романах фамилию его производят от грома, молнии и других не менее внушительных стихий.

Когда товарищ прокурора сумел доказать, что Шельмецов виновен и не заслуживает снисхождения; когда он уяснил, убедил и сказал: «я кончил», — поднялся защитник. Все наострили уши. Воцарилась тишина. Адвокат заговорил и... пошли плясать нервы N...ской публики! Он вытянул свою смугловатую шею, склонил набок голову, засверкал глазами, поднял вверх руку, и необъяснимая сладость полилась в напряженные уши. Язык его заиграл на нервах, как на балалайке... После первых же двух-трех фраз его кто-то из публики громко ахнул и вынесли из залы заседания какую-то бледную даму. Через три минуты председатель принужден был уже потянуться к звонку и трижды позвонить. Судебный пристав с красным носиком завертелся на своем стуле и стал угрожающе поглядывать на увлеченную публику. Все зрачки расширились, лица побледнели от страстного ожидания последующих фраз, они вытянулись... А что делалось с сердцами!?

— Мы — люди, господа присяжные заседатели, будем же и судить по-человечески! — сказал между прочим защитник. — Прежде чем предстать пред вами, этот человек выстрадал шестимесячное предварительное заключение. В продолжение шести месяцев жена лишена была горячо любимого супруга, глаза детей не высыхали от слез при мысли, что около них нет дорогого отца! О, если бы вы посмотрели на этих детей! Они голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны... Да поглядите же! Они протягивают к вам свои ручонки, прося вас возвратить им их отца! Их здесь нет, но вы можете себе их представить. (Пауза.)

Заключение... Гм... Его посадили рядом с ворами и убийцами... Его! (Пауза.) Надо только представить себе его нравственные муки в этом заключении, вдали от жены и детей, чтобы... Да что говорить?!

В публике слышались всхлипывания... Заплакала какая-то девушка с большой брошкой на груди. Вслед за ней захныкала соседка ее, старушонка.

Защитник говорил и говорил... Факты он миновал, а напирал больше на психологию.

— Знать его душу — значит знать особый, отдельный мир, полный движений. Я изучил этот мир... Изучая его, я, признаюсь, впервые изучил человека. Я понял человека... Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека...

Судебный пристав перестал глядеть угрожающе и полез в карман за платком. Вынесли из залы еще двух дам. Председатель оставил в покое звонок и надел очки, чтобы не заметили слезинки, навернувшейся в его правом глазу. Все полезли за платками. Прокурор, этот камень, этот лед, бесчувственнейший из организмов, беспокойно завертелся на кресле, покраснел и стал глядеть под стол... Слезы засверкали сквозь его очки.

«Было б мне отказаться от обвинения! — подумал он. — Ведь этакое фиаско потерпеть! А?»

— Взгляните на его глаза! — продолжал защитник (подбородок его дрожал, голос дрожал, и сквозь глаза глядела страдающая душа). Неужели эти кроткие, нежные глаза могут равнодушно глядеть на преступление? О, нет! Они, эти глаза, плачут! Под этими калмыцкими скулами скрываются тонкие нервы! Под этой грубой, уродливой грудью бьется далеко не преступное сердце! И вы, люди, дерзнете сказать, что он виноват?!

Тут не вынес и сам подсудимый. Пришла и его пора заплакать. Он замигал глазами, заплакал и беспокойно задвигался...

— Виноват! — заговорил он, перебивая защитника. — Виноват! Сознаю свою вину! Украд и мошенства строил! Окаянный я человек! Деньги я из сундука взял, а шубу краденую велел свояченице спрятать... Каюсь! Во всем виноват!

И подсудимый рассказал, как было дело. Его осудили.

Відповіді надсилати до 27.03.2020 р. на електронну пошту проф. Погрібної Вікторії Леонідівни vilpog2017@gmail.com

Завдання на 30.03-03.04.2020

Провести аналіз фільмів: *варіант 1* "Свідок звинувачення" (<http://baskino.me/films/detektivy/10677-svidetel-obviniya.html>), *варіант 2* "Правосуддя для всіх" (https://uakino.club/film/genre_drama/5255-pravosuddya-dlya-vsh.html), *варіант 3* "12 розгніваних чоловіків" (http://moviestape.net/katalog_filmiv/drama/320-12-rozgnivanyh-cholovikiv.html)

з точки зору законів ораторського мистецтва. Розподіл варіантів – за алфавітом у списку. Обсяг письмового тексту відповіді – 1,5-2 стор. Відповіді

надсилати до 03.04.2020 р. на електронну пошту проф. Погрібної Вікторії
Леонідівни vilpog2017@gmail.com